

Почувствовав, как Хань Цзин прижимает его к себе, пытаясь свободной рукой незаметно прокрасться под одежду, Морис лишь слегка усмехнулся. Он намеренно поднял руку выше, не позволяя ухажёру завершить свой маневр.

— Неужели они настолько знамениты? — Морис указал пальцем на снимок в своих руках. — Почему я о них ничего не слышал?

Изображённая на фото девушка выглядела на удивление невинно. На ней была лишь просторная мужская рубашка из нежного струящегося шелка. Овеваемая тёплыми лучами солнца посреди школьного двора, она слегка наклонилась вперед. Подол едва прикрывал бёдра, очерчивая соблазнительные изгибы тела, а сама она лукаво улыбалась, являя миру очаровательные ямочки на щеках.

— Линь Шуянь? Весьма недурна. Невинность в ней сочетается с поразительной чувственностью... Очень тонкое, восточное очарование, — Морис рассуждал с самым серьёзным видом, но при этом медленно вёл длинным пальцем по глянцевому снимку — от груди модели вниз, очерчивая изящную линию её талии.

Хань Цзин, наблюдавший за этим, невольно сжал кулаки, из последних сил подавляя желание вырвать карточку из рук любимого.

— Тебе не кажется, что она одета излишне откровенно?

— Пожалуй, есть немного, — с трудом выдавил Хань Цзин под этим пристальным, испытующим взглядом.

— Я хоть и далек от шоу-бизнеса, но сомневаюсь, что звёзды первой величины соглашаются на подобные фотосессии.

— Разумеется, нет.

— Значит, они вовсе не популярные певицы или актрисы? Кажется, ты мне кое-что недоговариваешь, — с трудом сдерживая смех, Морис пытливо прищурился, глядя на Хань Цзина.

Каким бы толстокожим ни был Хань Цзин, сейчас его натянутая улыбка грозила окончательно сползти с лица. Пока он лихорадочно соображал, как выкрутиться, Морис невозмутимо добавил:

— Эту девушку я не знаю. Но мне знакомо имя Каору Иноуэ. Они с Линь Шуянь, кажется, работают на одно агентство?

Морис перевёл взгляд на угол фотографии, где виднелся мелкий водяной знак на японском с

английским дублированием:

— «Софт он Деманд», сокращённо SOD. Говорят, у этой компании уже трехвековая история?

Морис так и не назвал вещи своими именами, но Хань Цзин, будь он трижды глупцом, всё прекрасно понял. Ему безумно захотелось провалиться сквозь землю.

Морис по-прежнему позволял обнимать себя со спины и чувствовал, как Хань Цзин буквально оцепенел. Скрывать веселье больше не получалось — губы сами расплывались в улыбке. Как гласит житейская мудрость, не бывает мужчин, которые не занимаются самоудовлетворением, как не бывает натуралов, не знающих порнозвёзд. Морис не был исключением из правил. Правда, сам он подобным не увлекался, а про студию SOD узнал ещё в закрытом пансионе от своего соседа по комнате, Джорджа.

Тот был знатным затворником и коллекционировал фильмы для взрослых с поистине маньячным упорством. Джордж сортировал видео по студиям, создавал отдельные папки на жёстком диске и даже распечатывал буклеты с лучшими кадрами. В архиве одной только SOD у него скопилось гигабайт девять.

Судя по всему, Хань Цзин в своей страсти ушёл недалеко. Мало того что распечатал снимки моделей, так ещё и вставил их в рамки, расставив прямо на письменном столе — на самом видном месте.

С этой мыслью Морис развернулся в объятиях и, приподняв лицо Хань Цзина за подбородок, заглянул ему в глаза.

— Что же ты молчишь? Каору Иноуэ ты ведь точно знаешь? Мечта половины мужчин этого столетия... Твоя тайная фантазия тоже?

Хань Цзин заворожённо смотрел на него, не в силах оторвать взгляда от изумительных изумрудных глаз, в которых сейчас растаял привычный холод.

— Пятый размер груди, роскошная фигура, само искушение во плоти, — смакуя каждое слово, медленно произнёс Хань Цзин и крепче прижал Мориса к себе.

Эффект не заставил себя ждать: брови Мориса дрогнули, а улыбка на миг погасла.

Хань Цзин довольно рассмеялся:

— Ревнуешь?

Поняв, что его поймали на его же удочку, Морис не успел ничего возразить — этот наглец

бесцеремонно сжал его талию, притягивая вплотную к себе.

— Это было в прошлой жизни. Теперь все мои мысли заняты только тобой. И когда ты лежишь подо мной, и когда сидишь сверху — нет искушения сладостнее, — прошептал Хань Цзин, обжигая поцелуями его ухо. От горячего дыхания у Мориса по телу пробежала сладостная дрожь. — И если ты сомневаешься, я могу доказать это прямо сейчас... Чувствуешь, как мне горячо рядом с тобой? Стоит мне обнять тебя, как я теряю голову. Безумно хочу тебя прямо сейчас... Ну так как, остался ещё вопрос, кто моя главная фантазия?

Хань Цзин шептал откровенные, бесстыдные глупости.

Морис замер, ощущая, как сквозь ткань брюк настойчиво заявляет о себе чужое возбуждение. Его собственное тело, уже познавшее вкус этой близости, отозвалось мгновенно. От лёгкого прикосновения перехватило дыхание, кожа загорелась, напоминая о безумном жаре недавней страсти, о сплетённых пальцах и том невероятном, глубоком наслаждении, которое дарило каждое соитие.

— Не сейчас... — Морис глубоко вздохнул и скосил взгляд на дверь, борясь с накатывающим вожделением.

— Знаю. Я дождусь вечера, — хрипло пообещал Хань Цзин.

Он увлёк его прочь от злополучного стола, и они вместе опустились на мягкий край кровати.

— Но сегодня ночью я сделаю всё, чтобы ты раз и навсегда забыл этот глупый вопрос.

Хань Цзин не упускал случая поддразнить любимого, радуясь, что нашёл его уязвимое место.

Воспоминания о последних ночах заставили Мориса вспыхнуть от смущения. Послушавшись совета Марко, он перестал сдерживаться и без остатка отдавался лавине удовольствия. Вспоминая свои стоны и бесстыдную покорность, он всякий раз испытывал неловкость. Хань Цзин раз за разом уводил его за пределы возможного, заставляя терять разум в пучине безумного, пьянящего экстаза. В постели Морис оказывался абсолютно беззащитен перед его напором.

— Что ты там делаешь? — спросил Морис, заметив, что Хань Цзин наполовину залез под кровать.

— Сейчас покажу, — донёсся глухой голос.

Хань Цзин, точно мальчишка, прячущий секреты, пошарил в пыли и наконец выбрался наружу, таща за собой увесистый металлический кофр с кодовым замком.

— И какое сокровище ты там прячешь? — с улыбкой поинтересовался Морис, мягко поглаживая округлившийся живот.

В такие моменты Хань Цзин казался совсем юным — трудно было поверить, что этот легкомысленный парень скоро станет отцом.

— Увидишь, — загадочно подмигнул тот. Он набрал шифр, щелкнул замком и достал из коробки толстый альбом, из которого высовывались разрозненные листы. — С тех пор как мы вернулись из Атлантиды, только о тебе я и мечтал.

Морис взял альбом и открыл первую страницу. К горлу подступил жар, щёки мгновенно вспыхнули.

С рисунка на него глядела Иллюзия Атлантиды — та самая, которая до сих пор являлась ему в снах. Автор явно не был профессиональным художником, но в каждый штрих, в каждую линию было вложено столько старания и нежности, что картина казалась живой. Однако содержание заставило Мориса смутиться ещё сильнее.

На одном листе он стоял на берегу бескрайнего океана, на другом — под струями горного водопада. На каждом карандашном наброске он улыбался так тепло и искренне, будто оживали сами воспоминания о тех днях. Вот только на всех рисунках он был абсолютно наг. Золотистые волосы развевались на ветру, открывая взору безупречное тело во всех подробностях. Типичные фантазии влюблённого затворника!

— И это всё? — стараясь говорить как можно холоднее, чтобы скрыть замешательство, протянул Морис. — На всех рисунках я стою. Ты что, другие позы рисовать не умеешь?

— Знал бы ты, сколько сил я убил, чтобы освоить этот ракурс, — рассмеялся Хань Цзин. Он устроился поближе и по-хозяйски обнял его за плечи. — Гляди сюда, и вот сюда...

Он принялся перелистывать страницы в обратном порядке. Чем ближе к началу альбома, тем грубее становились штрихи. Фоновые пейзажи исчезли, уступив место самым простым анатомическим наброскам.

Смесь нежности и неловкости переполнила душу Мориса. Он просто не знал, как реагировать. Неужели в этом и кроется суть характера обычного парня-мечтателя?

— После того происшествия в Атлантиде я бредил тобой. Пытался искать, но в огромном мире это было безнадежно. В какой-то момент я даже испугался, что схожу с ума, и пошёл к врачу — думал, мне всё это привиделось. Но потом решил: даже если это лишь сон, я хочу помнить его до конца своих дней. Последние полгода в исследовательском институте С. Ф., едва выпадала свободная минутка, я запирался у себя, вспоминал тебя и рисовал. Пришлось даже купить пару самоучителей, чтобы хоть немного наловчиться. Ну как тебе? Нравится?

Без тени смущения Хань Цзин листал альбом, увлечённо показывая свои труды человеку, ради которого всё это затевалось.

Листы шуршали перед глазами. От первых, неумелых попыток с грязными следами от ластика до вполне узнаваемых очертаний. Морис молча наблюдал за этим преображением, и в глубине его синих глаз плескалась целая буря чувств. В каждой неровной линии сквозила искренность.

Где-то с середины альбома мастерство Хань Цзина заметно возросло. Теперь Морис без труда узнавал себя. На смену сухим анатомическим эскизам пришли объёмные сюжеты: лазурное небо, бесконечная водная гладь, изумрудные склоны гор. Даже в серой гамме простого карандаша угадывалось буйство красок утерянного рая.

Когда открылась страница с изображением цветущего персикового сада в горах, Морис затаил дыхание. Его пальцы мягко коснулись прорисованных лепестков.

— Цветы персика? — негромко спросил он, и в его обычно ровном голосе промелькнули нежные нотки.

— Да, тот самый сад, где лепестки кружились на ветру, — с улыбкой отозвался Хань Цзин и нежно прижал Мориса к себе, словно величайшую драгоценность.

Именно там, среди кружащегося розового вихря, он когда-то признался, что хочет прожить с ним всю жизнь.

«Можно ли считать это предложением?»

Морис тепло улыбнулся, вспомнив, как Хань Цзин краснел и запинаясь, со страхом ожидая ответа.

Иллюзия Атлантиды казалась отдельной, прожитой от начала до конца жизнью. Там не существовало земных забот, долга перед отцом, службы, обязательств. Всё осталось за порогом. Казалось, эта реальность была сотворена лишь ради одного — чистой, первозданной любви и страсти.

Они проводили дни и ночи вместе, и грань между влечением и чувством давно стёрлась. Морис уже не помнил, с чего всё началось. В том мире, где эпохи могли сменяться за мгновения, вечными оставались лишь рассветы, закаты и они двое — на долгие, бесконечные годы.

Хань Цзин тоже мысленно перенёсся в прекрасную Иллюзию Атлантиды. Когда-то он верил, что Атлантида — предел мечтаний, но теперь понимал, как сильно заблуждался.

Не в силах сдерживать чувства, он потянулся к Морису, осыпая его лицо горячими, нежными поцелуями. Его ладонь легла на округлившийся живот, согревая место, где зарождалась новая

жизнь — их будущая дочь.

— Я люблю тебя, Морис, — прошептал он.

Морис хотел что-то ответить на эти признания, но его губы тут же накрыл глубокий, властный поцелуй. Язык Хань Цзина уверенно и нетерпеливо исследовал его рот, а свободная ладонь скользнула под мягкий кашемировый джемпер. Тёплые прикосновения к обнажённой коже заставили Мориса вздрогнуть. Едва утихшее пламя страсти мгновенно вспыхнуло вновь, разливаясь по телу сладкой истомой.

Морису всё ещё было неловко из-за собственной податливости и чувственности — это так мало вязалось с его привычной сдержанностью. Но Хань Цзин принимал его страсть с такой нежностью и благодарностью, что все сомнения исчезали.

«Только мне суждено видеть его таким — нежным, беззащитным и любящим»

Хань Цзин почувствовал, как сердце наполняется нежностью. К тому же медлить с официальным предложением больше нельзя — ребёнок рос с каждым днём.

Отстранившись, Хань Цзин нежно коснулся губами его лба:

— Обещаю, ты будешь счастлив. Намного счастливее, чем в Иллюзии Атлантиды... А теперь отдыхай. Я спущусь на кухню и приготовлю что-нибудь вкусное.

Не давая возразить, Хань Цзин заботливо укрыл его одеялом и подложил под поясницу мягкую подушку, чтобы унять ноющую усталость.

— Здесь тепло от батарей. Не душно? Приоткрыть форточку?

Наблюдая за его суетой, Морис мягко улыбнулся:

— Разве избалованные молодые господа с Востока умеют готовить?

— Забыл? В Атлантиде я кормил тебя каждый день, — Хань Цзин вернулся к постели и шутливо укусил его за нижнюю губу, не в силах прекратить ласки. — Просто в последнее время мы постоянно жили в отелях, вот я и растерял навыки. Чего бы тебе хотелось? Насчет тайской кухни не уверен, я её только осваиваю, но вот домашняя китайская выйдет отлично.

Он сжал ладонь Мориса в своих руках и почти просительно заглянул в глаза:

— Помнишь, когда мы отдыхали в Юрике, тебе очень понравилась рыба-белка в кисло-сладком

соусе? Хочешь, приготовлю?

— И правда справишься? — с сомнением, но тепло отозвался Морис.

Впрочем, кулинарные таланты Хань Цзина он помнил хорошо. Тот действительно готовил превосходно, угадывая его вкусы до малейших нюансов.

— Ну, если что, матушка Чжан подскажет, — рассмеялся Хань Цзин и уже поднялся было, но Морис удержал его за рукав.

— Погоди, — Морис пересилил сонливость. — Думаю, мне стоит спуститься и поужинать с твоей матерью. Иначе это покажется невежливым.

— Еще чего! Почему ты такой упрямый? — шутливо нахмурился Хань Цзин, но в его голосе прозвучали собственнические нотки. — Тебе-то сил, может, и хватит, а вот нашей малышке нужен покой. Ты весь день на ногах, даже не прилѐг после обеда. Лежи и не спорь.

— Сам виноват, — шутливо упрекнул его Морис. — За обедом наговорил лишнего, вогнал меня в краску перед твоей матерью. На тебя это совсем не похоже. Стоило вернуться домой, как тебя будто подменили. Сначала делаешь, потом думаешь. И это выдающийся математик! Ведѐшь себя как мальчишка, никакого терпения.

Видя лёгкое недовольство на его лице, Хань Цзин поспешил загладить вину и бережно погладил его по животу:

— Ну тихо, тихо, не сердись. А то разбудишь нашу егозу, опять толкаться начнѐт.

Морис удивлѐнно приподнял брови: изнутри действительно донѐсся слабый толчок, заставивший сердце забиться чаще.

— И почему она всегда за тебя? Такая же нетерпеливая растѐт.

— Да потому что она знает — папочка её обожает и балует больше всех. Точно так же, как меня моя мама, — весело подмигнул Хань Цзин. — Она ведь самый близкий мне человек, зачем при ней притворяться? Уж поверь, её характер я изучил вдоль и поперѐк за столько лет. Не будь я уверен в её реакции, никогда бы не позволил себе подобной вольности. Так что лежи и отдыхай. Мама не обидится. Ты же видел, как она засуетилась, когда узнала, что ты ждѐшь ребёнка?

Заметив, что Морис смущѐнно отвѐл взгляд, Хань Цзин мягко улыбнулся:

— Послушай меня. Если ты сейчас спустишься через силу, это только усложнит разговор.

Маме нужно дать возможность немного поворчать на меня, высказать всё. Вот увидишь, после этого она примет нас окончательно.

— Хитрец. Всё-таки ты просчитал её до мелочей, — покачал головой Морис. Хань Цзин только казался бесшабашным, на деле же всё подмечал. — А перед отцом ты тоже рискнул бы так себя вести?

— Ну уж нет! С отцом шутки плохи, перед ним я стою по стойке «смирно», как перед генералом, — Хань Цзин шутливо состроил жалобную гримасу, хотя в его глазах плясали хитрые искорки. — К счастью, я всё продумал заранее. Перед отъездом позвонил сестре, и она по секрету сообщила, что отец с зятем приглашены на благотворительный вечер. Сегодня они в город Хуайань точно не вернутся. Только поэтому я и позволил себе, как ты выразился, развязать язык.

— Твой зять, похоже, отлично ладит с твоим отцом? — поинтересовался Морис.

— Ещё бы, отец сам выбрал его для моей сестры. Но ты не переживай. Уверен, от тебя он будет в куда большем восторге.

Эта безоговорочная уверенность заставила Мориса усомниться:

— С чего такая уверенность?

— Мой зять — всего лишь начальник штаба Азиатского военного округа, в звании генерал-майора. По сути, он подчинённый твоих подчинённых... Ведь ты для него — высшее командование?

— Его непосредственный начальник — Е Чуань из Управления военной стратегии, он на ступень ниже меня по званию, — Морис ненадолго задумался, а затем нахмурился. — Неужели для твоего отца так важны чины?

Хань Цзин удивлённо приподнял брови, почувствовав лёгкую неловкость. Он, конечно, знал, что его возлюбленный занимает высокий пост в космическом флоте, но чтобы настолько...

<http://bllate.org/book/19677/2006472>